

Семен Липкин: люди В КОНЦЕ КОНЦОВ УСТАЮТ ОТ ОБМАНА

Бес. Купф. - 1998. - 17 сент. - с. 7.

- Семен Израилевич, вы - человек нескольких культурных традиций. Как уживаются они в вас и как вы ощущаете себя в них?

- Человек смотрит на мир так, как начал смотреть в детстве. Я вырос в многонациональной Одессе. У нас были и православные храмы, и католические, и синагоги, и армянская церковь. Советская власть пришла в Одессу, когда мне было десять лет. До этого были разные власти, но эта власть религию подавляла, ссылая священников всех конфессий, закрывала церкви. А я не был ни пионером, ни комсомольцем - терпеть всего этого не мог. Даже на фронте умудрился не вступить в партию, но это другая история. А тогда случилось так, что несколько мальчиков и девочек разных конфессий подружились на том основании, что они верят в Бога. Мы не спорили, какая религия лучше. Наоборот - очень сплочены были. Мальчик армянин, девочка армянка, девочка католичка, два мальчика православных, девочка православная и два еврея - вот такая компания. Одесса - странный город. Сейчас это трудно себе представить, но тогда такое было возможно.

- Как же вам удалось пронести эти детские ощущения через всю жизнь? Неужели не приходилось ничем поступаться?

- В мелочах. Приходилось переводить стихи национальных поэтов, которые воспевали и Ленина, и Сталина. Но я считаю, что этот грех в большей степени на совести автора, чем переводчика.

- Связано ли ваше ощущение общности религий с тем, что Мандельштам называл "тоской по мировой культуре"?

- Думаю, да. Сам Мандельштам считал себя человеком христианской цивилизации. Но христианином он не был, хотя и принял в молодости лютеранство. Надежда Яковлевна все время подчеркивала, что он принял христианство идейно, но - в действительности этого не было. Он принял христианство для того, чтобы поступить в университет, но при этом духовно ощущал себя евреем. В отличие, кстати, от Пастернака. Просто Мандельштаму не нравилось, что его семья была отгорожена от русской культуры, которую он высоко ценил. Но в то же время он имел полное право написать о себе: "Среди священников левитом молодым". Отчуждения от еврейства у него не было. Если, конечно, не понимать еврейство только как быт.

- У вас с ним были беседы на эти темы?

- Да.

- Есть ли сейчас круг, который вы могли бы назвать своим?

- Мне трудно ответить на этот вопрос. Мне много лет. Скоро - семьдесят семь. Жуткая цифра. Я редко где бываю. Но меня довольно часто посещают молодые поэты, от двадцати пяти примерно до тридцати пяти лет. Среди них двое-трое талантливых. Это есте-

ственно. Ведь талант - редкость. - Такого рода общение, безусловно, поддерживает. Но я знаю, что вы и сами продолжаете работать, по-прежнему много пишете.

- Сейчас меньше. Но ведь я начал писать в раннем детстве. И не писать мне трудно. Легче писать, чем не писать.

- Ваш поэтический дебют затянулся. Жалеете вы об этом?

- Был моложе - жалел. Но тут, вероятно, есть своя печальная логика. Нас было четверо: Аркадий Штейнберг, Арсений Тарковский, Мария Петровых и я. Группа называлась "Квадрига". Совсем недавно вышел сборник Штейнберга. Он умер, так и не дождавшись своей первой книги. Тарковский, Петровых и я издались очень поздно. Особенно болезненно переживал это Тарковский. Он пробовал издать книгу раньше, но ничего, конечно, не вышло. Тарковский написал даже стихи о Сталине, но наверху они не понравились. Противно, конечно, но приходится признать, что такое было. Я издал первую книгу в 1967 году. Мне было тогда пятьдесят шесть. И то ее обкорнали, сократили в пять раз.

- Нынешние поэты могут вас не понять. Ведь сегодня так просто издать книжку стихов, были бы только деньги.

- Когда вышла моя первая книжка, было много откликов в прессе. А сейчас стихи часто просто не замечают. Но ведь в демократической стране поэт не может быть больше, чем поэтом. Это и так много. Если он больше - не факт, что это поэт. Тем не менее строка Евтушенко отражала реальное положение вещей. А его "Бабий Яр" в свое время всколыхнул всю Россию. Но неизвестно, что станет с этими стихами, скажем, лет через пятьдесят.

- Честертон писал: мы узнаем о существовании генерала из сообщений о его смерти. Широкая публика узнала о том, кто такой Бродский, либо во время суда над ним, либо в связи с Нобелевской премией. Многие запомнили имя поэта раньше, чем прочитали его стихи.

- В то время в Ленинграде было много хороших поэтов. Они жили, печатались. А Бродский был другим. Его поезд шел не по тем рельсам, которые проложила для поэтов советская власть. И дело тут не в политических убеждениях. Ведь у Бродского, по крайней мере в то время, не было стихов против существующего строя. Не было критики этого строя. Почему же ему выпала такая судьба, за что же его судили? Он законов не нарушал. Он нарушил понимание коммунистическим государством поэзии. Так что тут поэзия и жизнь связаны.

- У вас такое ощущение, что на наших глазах заканчивается эпоха в русской поэзии. Со смертью Бродского это ощущение только усилилось. Вы могли бы прогнозировать дальнейшее развитие событий?

- Поэзия, вероятно, может развиваться лишь как поэзия, а не как любимица власти или отдушина для людей, противостоящих ей. А прогнозы здесь абсолютно бессмысленны. Разве мы могли знать, что появится Бродский? Анна Андреевна рассказывала мне, что есть такой рыжий мальчик. Потом я попросил стихи. Дети Виктора Ардова показали мне поэму "Шествие", несколько стихотворений, в том числе "На Васильевский остров я приду умирать". И я понял, что возник большой поэт. Хотя он был тогда мальчик. Значительно моложе меня.

- А возраст тут имеет значение?

- В том-то и дело, что нет. Аксаков, например, был старше Гоголя. Он писал вещи, еще пахнувшие восемнадцатым веком. Но вот под влиянием молодого Гоголя он вдруг сочиняет "Детство Багрова-внука".

- Ваши литературные пристрастия, видимо, в девятнадцатом веке?

- Да, ведь девятнадцатый век - золотой, а двадцатый - серебряный. Три гения было в России, на мой взгляд: Пушкин, Тютчев и Лермонтов. Это, как видите, люди прошлого века. Но в двадцатом тоже были великие поэты. Если по алфавиту: Анненский, Ахматова, Блок, Бунин, Мандельштам, Пастернак, Ходасевич.

- Маяковского вы пропускаете?

- Пропускаю. Были великие, но не было гениев, к сожалению.

- Неутешительная складывается картина. Если следовать вашей литературной иерархии, дело явно идет по нисходящей. А в последние годы и вовсе не появлялось значительных литературных имен.

- В конце прошлого века уже был упадок стихотворства. Он длился лет пятнадцать - в сущности не так много. Так вот, пятнадцать лет в поэзии царил Надсон. Это как если бы теперь не писал никто, кроме Эдуарда Асадова. Будет ли такой упадок сейчас - это никому неизвестно. Может быть, и сейчас мы являемся свидетелями угасания литературы. В Италии от Проперция до Петрарки, Данте, Боккаччо был громадный перерыв. Несколько столетий ничего существенного не появлялось. А после Данте - снова затишье. Вплоть до наших времен. Были значительные писатели - Пиранделло, Монтале, но они не совершили прорыва в литературе. Так вот, Россия тоже не гарантирована от того, что девятнадцатый век не останется навсегда ее достижимой вершиной.

- Пятьдесят - сто лет назад никто и предположить не мог такой мощной экспансии американской культуры. Может быть, будущее за ней?

- Об этом трудно судить. Имперский Рим владел огромными территориями. Тем не менее легионеры привозили чужих богов в свой пантеон. Трудно понять, кто на кого повлиял сильнее. И были ли Катулл, Овидий, Гораций поэтами для варваров - гал-

Поэт Семен Липкин - свидетель времени, очевидец.

На его глазах складывались судьбы Василия Гроссмана и Бориса Слуцкого, Заболоцкого и Багрицкого. По его собственной судьбе колесом прошли времена, когда поэзия значила столь много, что поэтов сажали.

Многим известна скандальная история с альманахом "Метрополь" в 79-м году, травля властями Семена Липкина и его жены Инны Лиснянской.

Семен Липкин и Инна Лиснянская.

лов, германцев, саксов? Вряд ли.

- Но в конце концов стали. Спустя сотни лет.

- Стали единицы и лишь благодаря своему таланту, а не культурной экспансии. Действительно, должно пройти много времени, прежде чем станет ясно, что чего стоит.

- Хочу поговорить с вами о девальвации нашей истории. Великая Отечественная война кажется порой такой же далекой, как война 1812 года. Снимаются фильмы, пишутся книги в несколько отстраненной, голливудской манере.

- Мне это не кажется девальвацией. Среди нас нет участников первой отечественной войны, о которой писал Толстой, но роман "Война и мир" существует. Та же

история с "Севастопольскими рассказами". Вопрос в том, насколько талантливо написана вещь на историческую тему. Художественная правда и историческая должны идти рука об руку. Вот и все.

- А как вы относитесь к творчеству Солженицына? За счет чего так популярна его скорее публицистическая, чем художественная проза?

- Думаю, "Архипелаг ГУЛАГ" Солженицына - это новый тип художественной литературы. Он старается проникнуть не только в душу человека, но и в систему государства, которое на человека, безусловно, воздействует. Но в принципе мы и в прошлом знали прозу, в которой не было определенной фабулы: скажем, сочине-

ния энциклопедистов, оказавшие огромное влияние на всю художественную литературу. Литература не всегда была одинаковой. Можно описывать жизнь, как Вальтер Скотт, а можно - как Солженицын. Это реакция на ту ложь, которую поставляли государственные писатели в течение семидесяти лет. И теперь мы хотим реальных фактов, связанных с действительно существовавшими людьми. Паустовский, скажем, прекрасный писатель, но его письма и дневники сейчас интереснее повестей. Потому что, устав наконец от обмана, люди предпочли документальность художественности. Вот такая тенденция.

Встречался
Ян ШЕНКМАН